

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

© 2022 г. Е.П. Казаков

Статья состоит из двух частей. Первая посвящена воспоминаниям автора о своем учителе в постижении археологии – Владимире Федоровиче Генинге, его методе воспитания профессиональной самостоятельности и ответственности у учеников, требовательной и принципиальной подготовке помощников и младших коллег и о высоком авторитете учителя. За 1958–1963 годы В.Ф. Генинг исследовал ряд важных памятников и открыл археологические культуры, среди которых именьковская и кушнаренковская. На раскопках этих памятников принимал участие и автор статьи. Показательным фактом является то, что вчерашние студенты стали соавторами одной из первых монографий В.Ф. Генинга. Во второй части сообщается история открытия и дается краткая характеристика новых, выдающихся памятников эпохи камня в Закамье, которые позволили выделить такие культуры как средневолжская палеолитическая и меллятамакская мезолитическая.

Ключевые слова: археология, В.Ф. Генинг, Закамье, палеолит, мезолит, раннее Средневековье.

A LOOK INTO THE PAST**E.P. Kazakov**

The article consists of two parts. The first one is devoted to the author's memories of his teacher in the comprehension of archaeology – Vladimir Fedorovich Gening, his method of educating students' professional independence and responsibility, the demanding and principled training of assistants and junior colleagues, and the high authority of the teacher. During 1958–1963 V.F. Gening explored a number of important sites and discovered archaeological cultures, including the Imenkovo and Kushnarenkovo cultures. The author of the article also took part in the excavations of these sites. An indicative fact is that yesterday's students became co-authors of one of the first monographs by V.F. Gening. The second part tells the history of the discovery and gives a brief description of the new, outstanding of the Stone Age in the Kama region, which made it possible to identify such cultures as the Middle Volga Paleolithic and Mellyatamak Mesolithic.

Keywords: archaeology, V.F. Gening, Trans-Kama River region, Paleolithic, Mesolithic, Early Middle Ages.

*Все то, что будет, когда-то пройдет?
А то, что было – нас не найдет.
Что есть сейчас – всего лишь миг,
Который нас в пути настиг...*

Но вот этот миг и позволяет нам вспомнить прошлое, как-то оценить его. Вспоминается «кабинет археологии» и мой первый учитель – Владимир Федорович Генинг, который в 1958-1963 гг. был моим научным руководителем. У него была довольно сложная жизнь. Во время войны Владимир Федорович как советский немец был мобилизован на строительство железной дороги в Казанско-Ульяновское правобережье р. Волги. Потом, после окончания университета в течение жизни он работал в таких крупных центрах археологии как города Пермь, Ижевск, Казань, Свердловск (Екатеринбург), Киев.

Казанский период В.Ф. Генинга совпал с его поступлением в аспирантуру к Н.Ф. Калинин. В 1958 году он начал готовить монографию по материалам раскопанных им памятников у с. Рождественно. В этой работе он привлек двух первокурсников: Р.К. Валева

и меня. Конечно, со стороны руководителя это был смелый шаг. Мне досталась тема по типологии керамики. Кто знает, тот поймет, что значит анализировать фрагменты лепной плоскодонной неорнаментированной посуды (мы даже не знали, к какой культуре она относится), от которой наиболее сохранялась только придонная часть с обломком стенки. Для работы с тысячами обломков этой керамики нужны не только дисциплина, но и упорство.

Я снимал в это время угол в подвальной квартире одного старика, рабочего университета, под зданием химфака КГУ. Естественно мне чаще других приходилось бывать в кабинете археологии. Последний в то время и до 1978 года находился на четвертом этаже этого корпуса.

Очень насыщенным выдался мой первый полевой сезон 1959 г. В этот год я, досрочно сдав экзамены, уехал в отряд А.Х. Халикова,

который работал на стоянке Таланкина Гора в Марийской республике. После этого под руководством В.Ф. Генинга я поехал в Пермский край сначала на раскопки могильника Качка, а затем, спустившись вниз по р. Каме, отряд работал на городище Красная Горка. Закончив исследования на городище наш отряд на пароходе переехал в райцентр Кушнаренково Башкирии для раскопок могильника. Здесь мы объединились с отрядом антропологов Московского университета под руководством М.С. Акимовой, который до этого работал на поздних могильниках Удмуртии.

После раскопок ряда интересных погребений Владимир Федорович должен был уехать по делам, оставив меня и М.С. Акимову руководить раскопками. Но ни она, ни я не имели опыта исследования языческих могильников. Помню, при раскопках парного погребения 27, сопровождаемого вещами, черепом и костями ног лошади, я долго переживал - верно ли мы все делаем. Когда приехал В.Ф. Генинг, доложил ему, что, видимо, не все методические требования соблюдали при раскопках. На что он ответил (а в поле он был строг): «Это, Женя, не ваше дело». Только позднее, когда был открыт в 1982 г. II Коминтерновский могильник, стало ясно, что мы копали поздне-сарматский Кушнаренковский могильник.

Из села Кушнаренково Владимир Федорович отправил несколько разведочных отрядов (каждый состоял из одного парня и девушки) по берегам р. Белой и Камы. Это тоже был смелый шаг – послать студентов, только что закончивших первый курс, на серьезные маршруты. Но, вероятно, такая практика профессионального обучения и воспитания была свойственна руководителю.

По завершению разведок часть отряда уехала на раскопки Бирского могильника в Башкирии, под руководством Н.А. Мажитова, а наша группа с Владимиром Федоровичем начала исследования Тураевского могильника, открытого разведками отряда Р.К. Валиева. К концу нашего первого полевого сезона мы приобрели навыки и опыт, что позволило В.Ф. Генингу доверить нам пяти студентам продолжать раскопки самостоятельно. Позднее стало известно, что в г. Ижевске в это время он готовил книгу по культурам Средневековья в Прикамье.

В 1960 г. наш небольшой отряд (трое ребят вместе со мной и две девушки) продолжил раскопки этого уникального памятника.

Тот, кто копал курганные могильники без применения техники, знает, как это трудно.

Тураевский могильник – это своеобразные «пирамиды Прикамья». Здесь в глубоких (до 4 м), длинных (до 320 см) и широких (до 120 см) ямах были захоронены воины с большим количеством вооружения (сейчас эти материалы находятся в Археологическом музее КФУ). Особенно нам тяжело достались работы на погребении кургана VIII. Пошли дожди, и мы натянули над могилой палатку. Но, чтобы вынуть грунт из могилы, глубина которой достигала 4 м, не считая курганной насыпи, приходилось перекидывать его в два этапа.

В.Ф. Генинг предложил мне написать отчет по этому могильнику. Но, не имея навыка работы такого рода, я слишком медленно работал, и руководитель сам закончил ее, опубликовав позднее статью (Генинг, 1976, с. 55–108). В ней В.Ф. Генинг относил население, оставившее некрополь, к южным группам, отступившим под натиском гуннов. Позднее появилась работа, в которой утверждалось, что данный памятник оставили сарматы, которые в летний период уходили в Прикамье (Казаков, 2011а, с. 8–39).

Хочешь не хочешь, в 1961 г. я был вынужден писать отчет, правда, по погребениям более простым, чем Тураевские. Работая с большим отрядом практикантов на Маклашевских курганах, А.Х. Халиков с отрядом в 7 человек, послал меня в д. Танкеевку, которая находилась в 7 км. Прямо среди улицы мы поставили лагерь и начали работать. Надо было найти могильник, о котором сохранились сведения с 1914 года, и мы нашли его! Когда через неделю А.Х. Халиков приехал в деревню, он был поражен богатством материалов в погребениях (около 10): бронзовые и серебряные украшения, круговая керамика, погребальные маски и др. Тут же весь отряд из Маклашевки был перебазирован в Танкеевку и начались многолетние работы на этом некрополе, предоставившем основной материал по истории ранней Волжской Болгарии.

В 1960 г. я принял участие в раскопках В.Ф. Генинга Больше-Тарханского могильника. Материалы этого некрополя оказались ключевыми по выделению, датировке и характеристике всего этапа раннеболгарского периода (Генинг, Халиков, 1964). Широкие и длительные работы позволили вскрыть 273 захоронения с интересным инвентарем.

Работа на памятниках под руководством моих первых учителей В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова навсегда определила мой выбор профессии. Теперь, вспоминая прошлое, с определенным фетишизмом, оцениваю такие

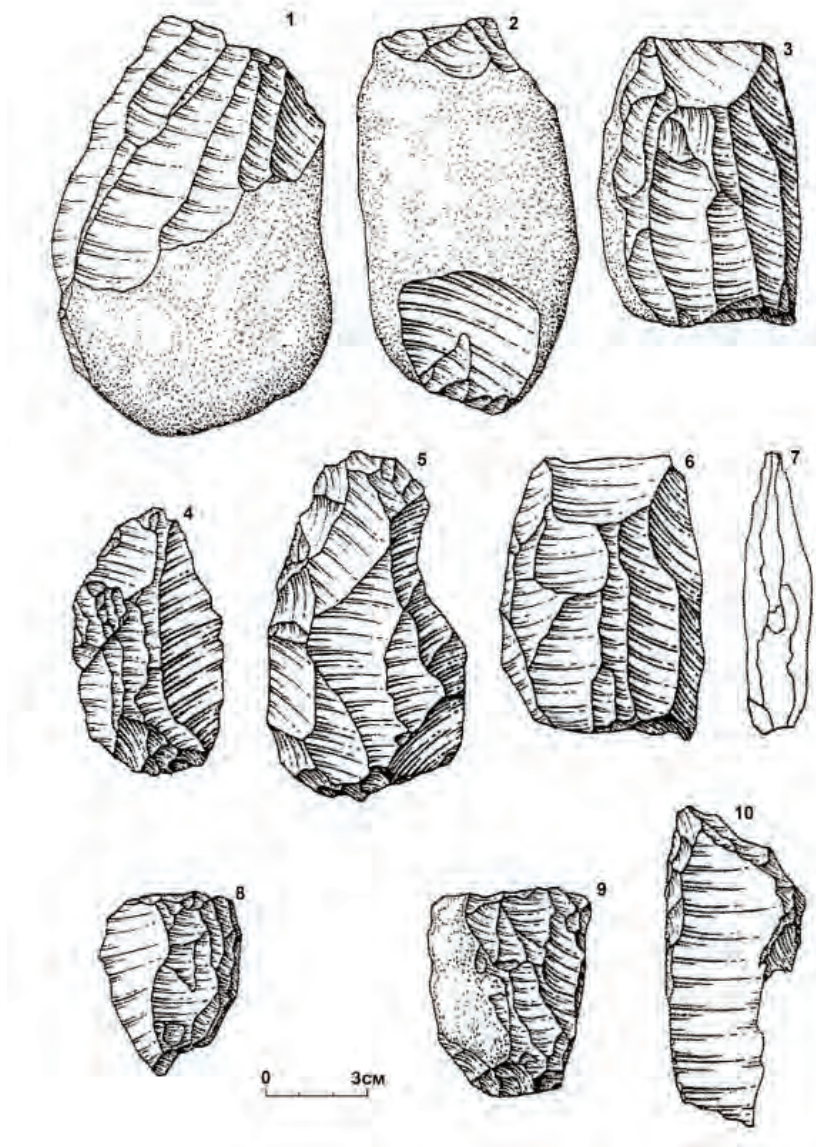

Рис. 1. Кремнёвые изделия Измерской I палеолитической стоянки
 Fig. 1. Flint items from the Izmer I Paleolithic site

понятия как судьба, встречи, обстоятельства. Из армии меня могли не отпустить за 2 – 3 месяца до окончания службы. В Казанский университет я мог бы поступить в 1955 г., когда, мечтая учиться по профессии «экономическая география», после школы сдал экзамен на 4 и 5. Приемные комиссии обычно долго решают вопрос о тех, кто принят в ВУЗ. Я уехал в пос. Бутурлино и через долгое время просил документы. Последние пришли ко мне с сообщением, что я «не прошел по конкурсу».

В 1962 г. вышла книга Владимира Федоровича, соавторами которой были и мы, еще на первом курсе готовившие свои разделы. В этом труде В.Ф. Генинг, отличавшийся глубоким знанием археологических материалов и нестандартностью подхода к ним,

впервые выделил именьковскую культуру (Генинг и др., 1962). Вопрос об этносе носителей ее, занимавшем в эпоху средневековья широкую территорию в Урало-Поволжье, в течение нескольких столетий вызывал и, видимо, будет вызывать острую дискуссию среди крупнейших археологов Восточной Европы.

В 1963 г. В.Ф. Генинг, переезжая работать в Свердловск (Екатеринбург), предложил и мне поехать с ним. Но я ответил, что не хочу отрываться от археологии Татарстана и, в первую очередь, по теме Волжской Болгарии, в которую уже втянулся. Через некоторое время я обратился к А.Х. Халикову с вопросом, что же мне делать, кто будет моим руководителем? «Так, я могу», – ответил он. Так у меня сменился руководитель!

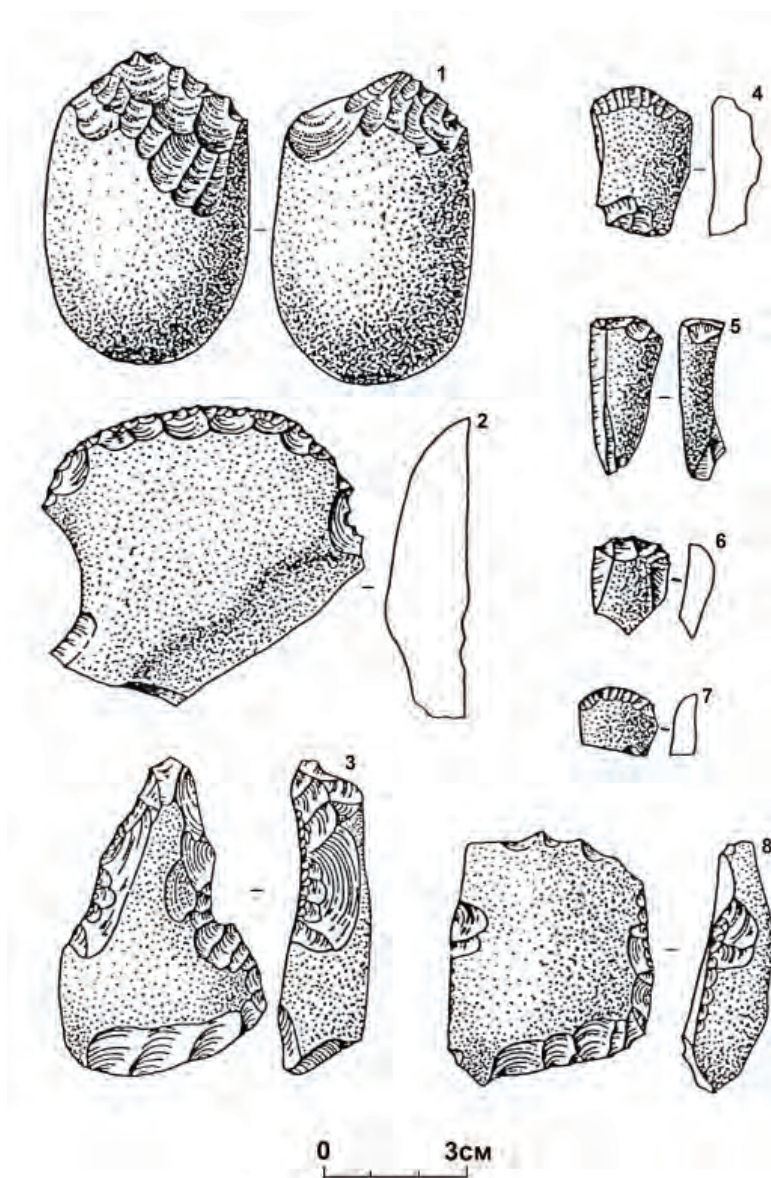

Рис. 2. Стоянка Постников Овраг. Нижний культурный слой. Кремневые орудия (по Л.В. Кузнецовой)
Fig. 2. Postnikov Ovrag site. Lower cultural layer. Flint tools (after L.V. Kuznetsova)

После Свердловска В.Ф. Генинг стал работать в г. Киеве в должности заместителя директора Института археологии АН УССР и из Киева прислал мне письмо с предложением переехать к нему и работать над сводом рядовых скифских захоронений. Следующая наша встреча и долгая беседа состоялась на Международном финно-угорском конгрессе в Будапеште в 1976 году. На этом конгрессе Е.А. Халикова делала доклад по материалам Больше-Тиганского могильника.

В начале ноября 1993 года я узнал, что Владимир Федорович умер. Но... через неделю получил письмо от него. Я не знал, что и думать? В письме он своим четким почерком рассказывал о своей работе (оно и сейчас хранится у меня). Позднее я узнал, что сотрудница, которая работала с ним, только спустя

время после похорон, послала мне последнее письмо учителя.

Теперь по теме моей непосредственной работы – тут есть что вспомнить! В 1959–2013 гг. я каждый год был в экспедиции в разных районах Волго-Приуралья, но более всего в Прикамье, где водами Куйбышевского и Нижнекамского водохранилища разрушены тысячи уникальных памятников. Долгие годы, руководя Раннеболгарской археологической экспедицией, мне вспоминаются исследования самых ранних из них – эпохи камня. Некоторые из них, без всякого сомнения, являются реперными. Знакомство с новым материалом может помочь современным специалистам по камню в Урало-Поволжье: Л.В. Кузнецовой, М.Ш. Галимовой и их последователям углу-

бить представление о хозяйстве, культурной специфике, происхождении древнего населения.

Такие памятники стали исследоваться экспедицией с 1960–1970-х гг. в Западном, а с 1980-х гг. в Восточном Закамье. В суммарном плане полученные материалы опубликованы в монографии (Казиков, 2011), на которую получена рецензия нашего известного археолога-каменщика Марка Григорьевича Косменко (Косменко, 2014).

Рассмотрим природные условия, которые были решающими факторами жизни людей в эпоху камня. Для Западного Закамья наиболее благоприятные возможности для этого представляет район слияния крупнейших рек Европы: Волги и Камы. Здесь рядом, лишь через протоки, которые летом сильно пересыхали, а зимой замерзали, находились две жизненно необходимые для древних людей области. Первая из них – это правобережье Волги, где располагаются Сюкеевские, Тетюшские и более южные горы. Сейчас основания их обнажило водохранилище и ясно видны отложения камня, в том числе высококачественного кремня. Когда склоны были покрыты дерном, кремень можно было получать через пещеры. Этот материал в эпоху камня был основным материалом, с помощью или из которого изготавливали все орудия.

Тесно связанными с вышеотмеченным регионом были левобережные районы Волги и Камы, основанные на суглинисто-черноземных основаниях. И если мы находим здесь в археологических памятниках массу кремневых изделий, то знаем, что их привезли с правого берега Волги.

Наиболее важные биоресурсы для древних людей давала испещренная останцами, протоками и озерами широкая долина левобережья р. Камы. Надпойменная терраса отделялась от нее уступом-возвышением 4-6, иногда до 20 м высоты. Сейчас это возвышение сильно разрушено водохранилищем и представляет собой сплошную отвесную стену. Тянется она на протяжении семи километров от урочища «Девичий городок» до села Измери и условно мы называли его «Измерский уступ». В ряде мест он имел пологие проходы, где могли спускаться животные и где на них могли устраивать засады охотники.

Данный район привлекал многочисленных животных, которые в половодье поднимались на надпойменную террасу, а со спадом воды возвращались обратно. Для людей долина была не только местом охоты, но представля-

ла также рыбу, местную и перелетную птицу, плоды деревьев, съедобные травы и т.д.

Раннеболгарская экспедиция обследовала 4 палеолитические стоянки. Одна из них (Девичий городок) была известна раньше. Три остальные располагались вокруг останца террасы по левому берегу р. Актай, в 2 км к северо-востоку от с. Измери. Высота останца (более 20 м) позволяла всегда осматривать долину р. Камы.

На всех трех стоянках отмечены кости мамонта и кремневые палеолитические орудия. На Коминтерновской стоянке, где проведены раскопки, встречен бивень мамонта с ударами, видимо каменным топором. В шурфе на II Измерской стоянке, в суглинке на глубине 140 – 150 см в двух местах отмечены кости черепов мамонта (Казиков, 2011, с. 94, рис. 31).

На этом же памятнике у подножья останца нами собрано около тридцати плотных шаровидных конкреций кремня, которые могли уместиться на ладони взрослого человека. На некоторых предметах наблюдается скол верхнего слоя, возможно для проверки качества кремня. В настоящее время находки хранятся в музее археологии ИА АНТ.

Наиболее богатой по материалу, чисто палеолитической стоянкой, является I Измерская. Расположена она в 2 км к северо-востоку у с. Измери Спасского района Татарстана. Основная часть памятника находилась на полого спускавшейся к северу площади. В южной ее части располагался полукруглый увал высотой 4 м, который с севера окружал небольшое озеро. К 1981 г., когда был открыт памятник, он начал интенсивно разрушаться водохранилищем. В обнажении суглинка, на глубине 140 см отмечены кремневые сколы.

При осмотре 1986 г. было установлено, что основной вещевой материал стоянки смещен к югу, к остаткам увала. Здесь же найдены фоссилизированные кости ног и черепа человека.

В целом, судя по материалу 1981 г., площадь памятника составляла 250x200 м. В северной части ее обнаружено скопление бивней мамонта (более 10 экз.). Они были отвезены на телеге (машина по отмели не проходила) в школу с. Измери. В целом по всей площади стоянки встречено много фоссилизированных костей мамонта, шерстистого носорога, лося, большерогого оленя, дикой лошади (определение А.Г. Петренко и О.Г. Богаткиной).

Каменный инвентарь стоянки удивительно единообразен по материалам и по форме. Изделия изготовлялись из уплощенных конкреций (Истомин, Казиков, 1992, с. 102–105). Среди

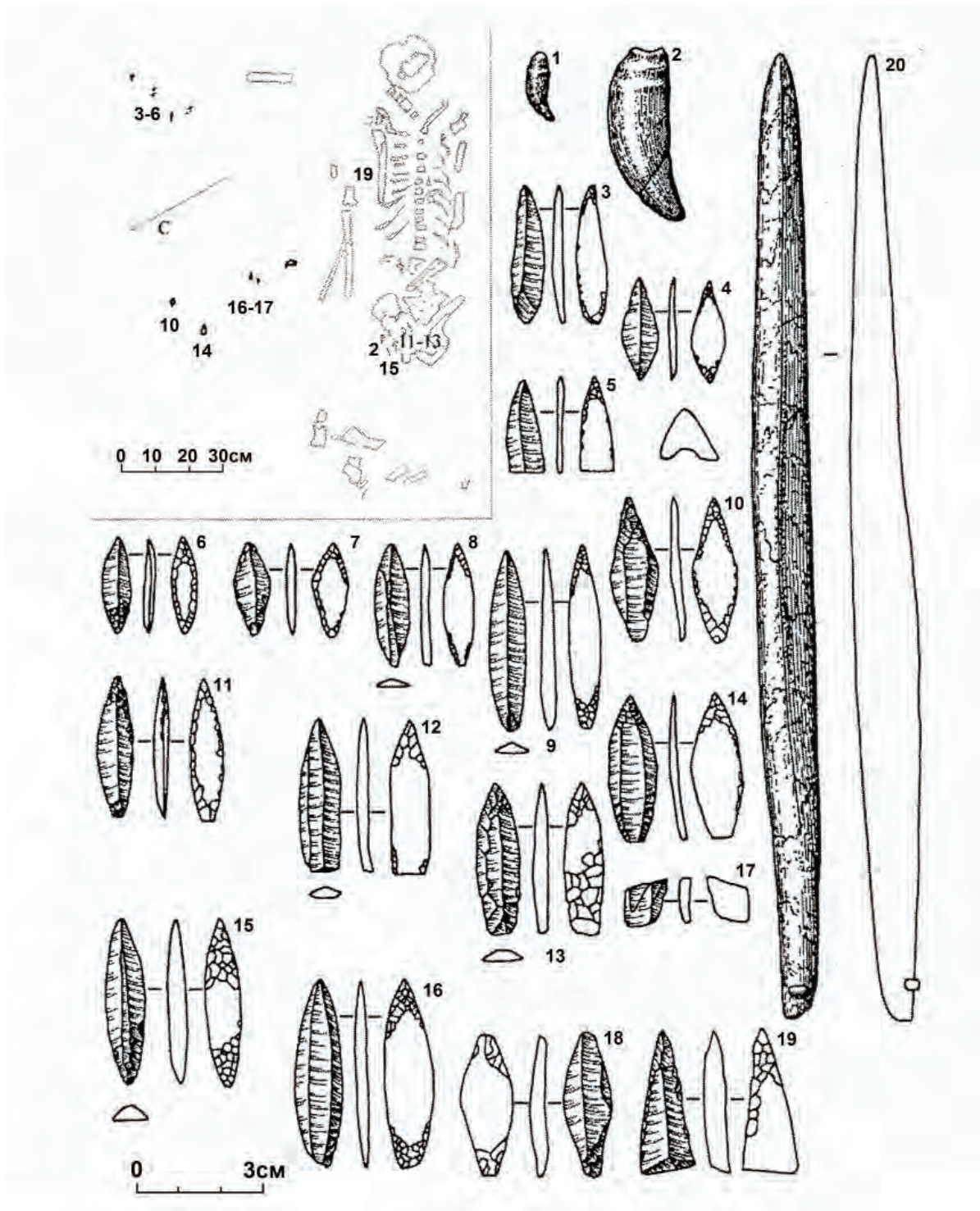

Рис. 3. План и инвентарь Миньяровского погребения
 Fig. 3. Plan and inventory of the Minnyarovo burial

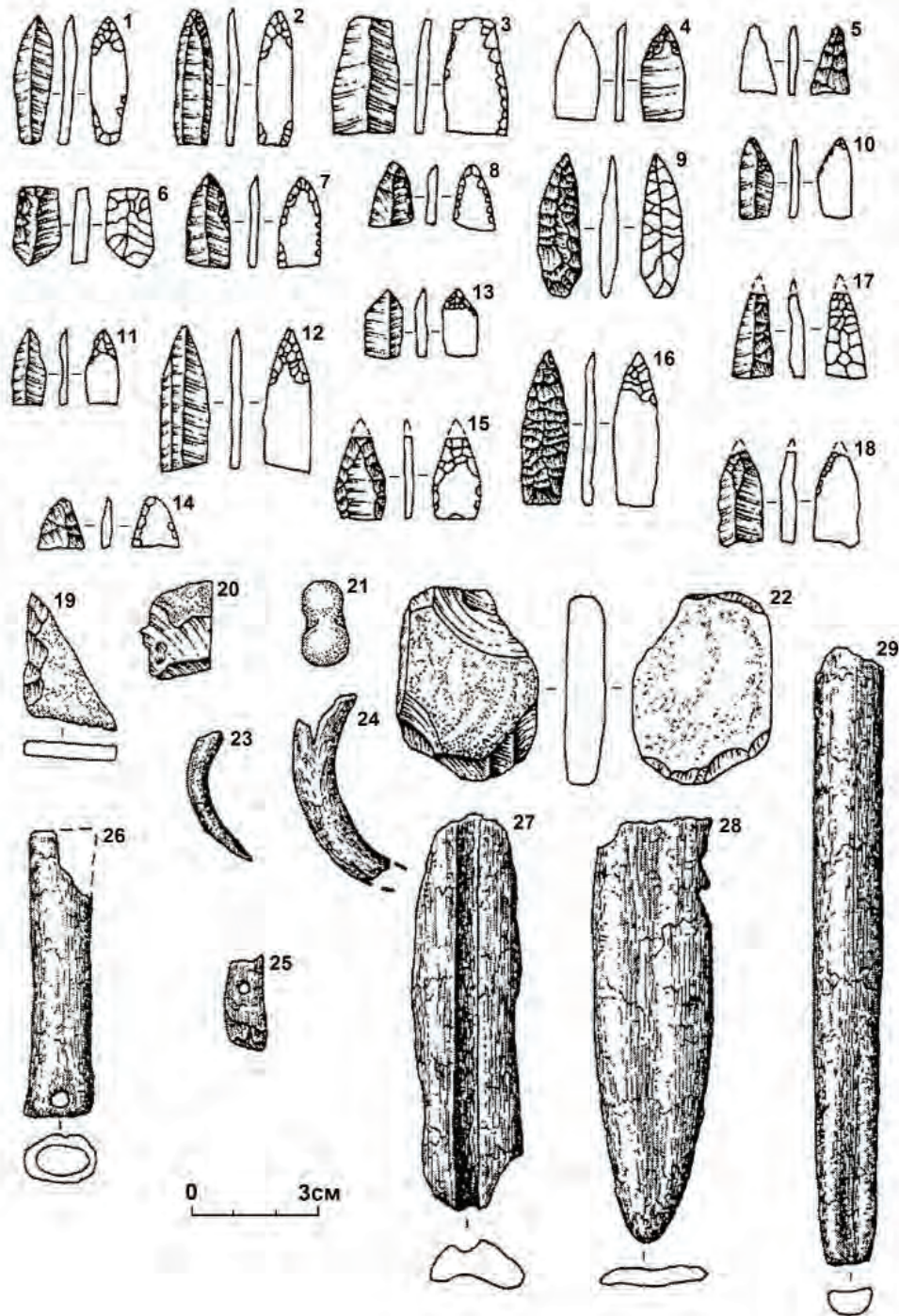

Рис. 4. Меллятамакский V могильник

Fig. 4. Mellyatamak V burial ground

них отмечены концевые скребки, резцы, ножевидные пластины с ретушью, двусторонние орудия (Казаков, 2011, с. 86, рис. 23). Достаточно широко встречаются (более 200 экз.) терочники из кварцита (Казаков, 2011, с. 85, рис. 22). Интересны чопперы и чоппинги (рис. 1: 1, 2), имеющие полные аналогии на стоянке Постниковый овраг, исследованной Л.В. Кузнецовой на территории г. Самары (рис. 2: 1, 4).

В коллекции I Измерской стоянки интересны изделия из кости. Среди них ударные орудия из рога лося (?) и пястной кости дикой лошади. Рабочий конец данных предметов сильно сработан, а противоположный конец, являющийся рукоятью, не имеет поврежденных (Казаков, 2011, с. 88, рис. 25). Из костей животных изготовлены также: орудие для нанесения орнамента, тесло, обломок чаши (Казаков, 2011, с. 89, рис. 36).

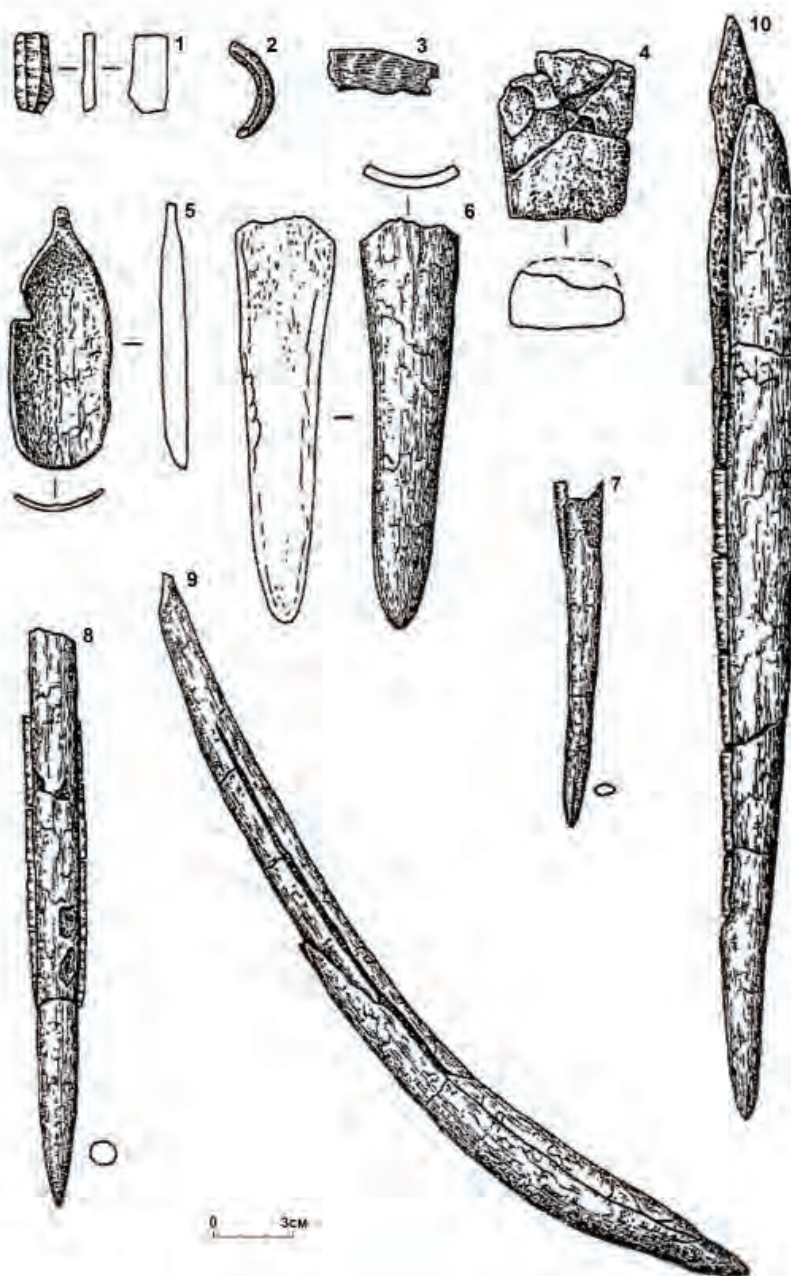

Рис. 5. Меллятамакский V могильник. Инвентарь погребения 9: 1 – кремь, 2 – резец байбака, 3 – клык кабана, 4 – сланец, 5-6 – кости, 7-10 – рог и кремь

Fig. 5. Mellyatamak V burial ground. Inventory of burial 9: 1 – flint; 2 – marmot (bobak) cutter; 3 – boar tusk; 4 – slate; 5-6 – bones; 7-10 – antler and flint

О датировке данного памятника можно говорить по составу животных, на которых охотились люди: мамонт, шерстистый носорог, северный олень, дикая лошадь. Очевидно, климат был благоприятен для них. Таких животных обычно относят к верхнему плейстоцену.

По мнению Л.В. Кузнецовой палеолитические памятники Поволжья относятся к эпохе мустье, но тяготеют к европейскому ареалу (Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья, 1989, с. 11). Однако я полагаю, что отмечен-

ные памятники по материалу достаточно своеобразны, чтобы включить их в новую палеолитическую культуру – средневожскую. Древнее население ее сочетало в хозяйстве богатство кремневого инвентаря правого берега р. Волги и биоресурсы долинных областей левобережья рек Камы и Волги, а также, нужно учитывать, близкое расположение памятников, что позволяло в течение многих лет выработать специфику культуры.

Это же название я предложил бы по памятникам региона эпохи мезолита, которые М.Г.

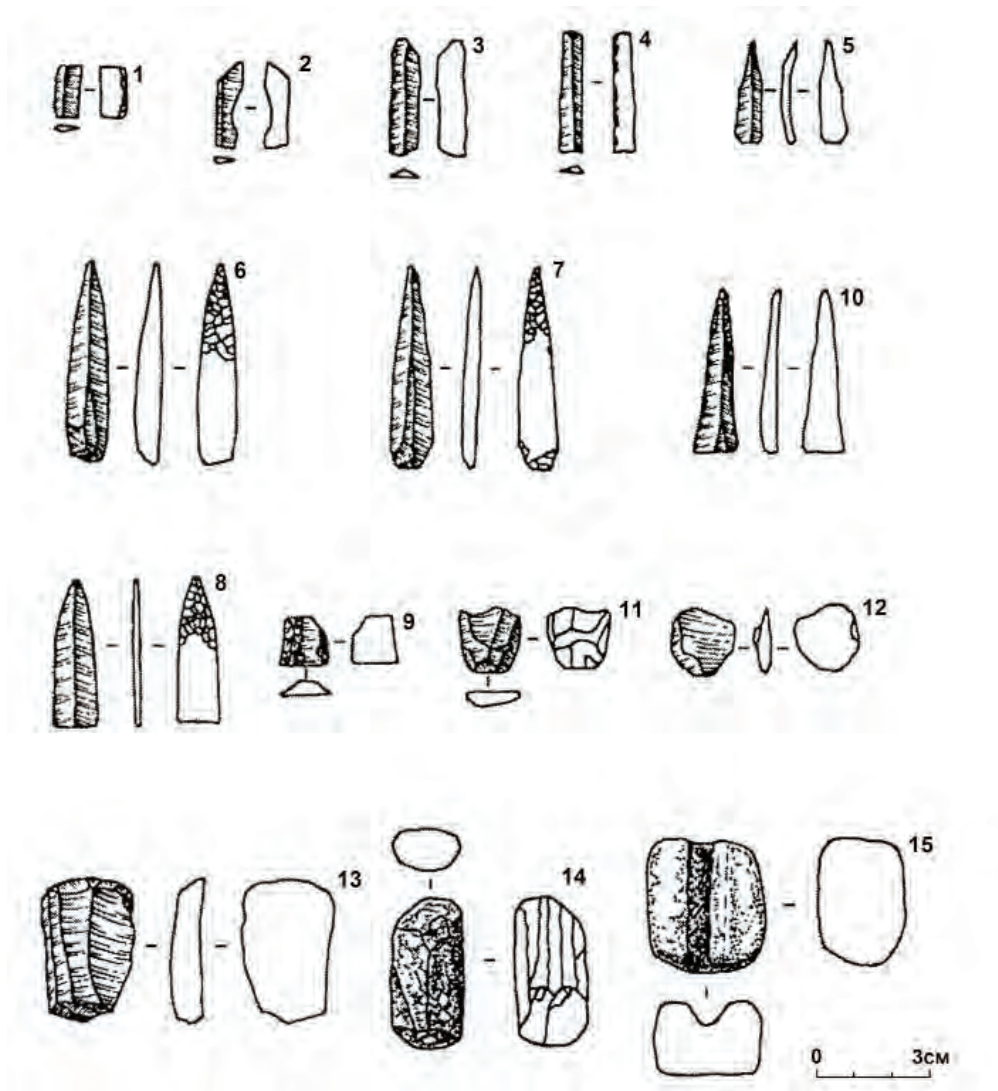

Рис. 6. Русско-Шуганский погребальный комплекс: 1-11, 13 – кремь; 12 – сланец; 14-15 – тальк
 Fig. 6. Ruskiy Shugan burial complex: 1-11, 13 – flint; 12 – slate; 14-15 – talc

Косменко назвал усть-камские. При наших многолетних раскопах, на территории 6–7 км выше «Измерского уступа» на глубине 110–130 см всегда встречаются предметы эпохи мезолита. Люди этого времени освоили все останцы Волго-Камья, в том числе останец напротив г. Тетюши. Здесь, в массе представлены орудия из кремня правого берега, хотя стоянка находится на левом берегу р. Волги (Галимова, 1996, с. 23–77).

Имеются и еще несколько уникальных групп памятников, изученных в Восточном Закамье, эпохи мезолита, несомненно представляющую большую историческую ценность. Среди них захоронение охотника, сопровождаемое листовидными кремневыми наконечниками стрел, скребком-проколкой,

костяным наконечником копья, клыками лисы и медведя. Это, так называемое минняровское погребение, расположенное на левом берегу р. Сюнь около с. Миннярово Актамышского района. Аналогии материалу этого памятника находятся далеко на западе, вплоть до известного Оленеостровского могильника (Гурина, 1956, с. 94, 96, рис. 53, 54).

Имеются еще ряд важных памятников, но остановимся только на одной их группе, давшей название новой, меллятамакской культуре. В основе ее лежит материал уникального V Меллятамакского могильника. Расположен он на дюне по левому берегу р. Ик, в 25 км от с. Меллятамак Муслюмовского района. Вскрыто 20 погребений с богатым инвентарем.

Рис. 7. Русско-Шуганский погребальный комплекс. Костяные и роговые изделия
 Fig. 7. Russkiy Shugan burial complex. Bone and antler products

На некрополе изучены 4 жертвенные ямы, в которых находились обожженные столбы и куски кремня. По всей площади могильника встречены остатки поминальных комплексов в виде кремневых наконечников стрел, гантелевидных подвесок, костяных поделок, зубов сурков, оленя (рис. 4).

Опишем материал лишь одного (№ 9) захоронения. Он представлен роговыми вкладышевыми орудиями (рис. 5: 7–10), обломками шлифованного зеленоватого сланца (рис. 5, 4), клыками сурка и кабана (рис. 5, 2, 3). Интерес представляет самая ранняя в регионе костяная ложечка (рис. 5: 5). Этот комплекс опубликован в академическом издании, где собраны статьи ведущих специалистов по эпохе камня РФ и издатели поместили его на обложку (Казаков, 2005, с. 274–279).

Датировка некрополя эпохой мезолита определяется многочисленными (50 экз.) безчереновыми кремневыми наконечниками стрел и вкладышевыми орудиями. Многие из них, как и в Миньяровском захоронении (рис. 3–13) покрыты отжимной ретушью только с брюшка на концах (рис. 4: 1–4).

По материалу из погребений антропологи определили, что памятники принадлежали, сравнительно, не высоким грацильным европеоидам (Рудь, Яблонский, 1991, с. 206–220).

Второй могильник меллятамакского типа изучен на дюне по левому берегу р. Ик в 1,5 км от с. Русский Шуган, также Муслюмовского района. В уютной ложбине, защищенной с севера песчаным гребнем, обнаружены остатки захоронения мужчины в

возрасте 35–40 лет (определение Р.М. Фаттахова) со следами охры.

В беспорядочном состоянии здесь собраны более 100 бусин из раковин, более 50 резцов сурка, ножевидные пластины и их обломки, 11 гантелевидных конкреций (как в V Меллятамакском могильнике – рис. 4: 21), кремневые вкладыши, проколка, 4 наконечника (рис. 6 6–8), скребок (рис. 6: 13). Наконечники стрел, также без черешка и обработаны отжимной ретушью только с брюшка. Несомненный интерес представляют обломки костяных орудий комплекса (рис. 7), в том числе массивное серповидное вкладышевое орудие (рис. 7: 3) из рога (лося?). К сожалению, в удобном месте, где было захоронение на короткое время остановилась группа уральского неолитического населения, которая и разрушила комплекс. Она оставила здесь фрагменты крупного разбитого сосуда

(Казаков, 2011, с. 166, рис. 112) и характерные для Урала «утюжки» из талька (рис. 6: 14, 15).

Меллятамакский круг памятников, несомненно, относится к особой культуре, оставленной пришлым населением. Определенное направление его движения может дать материал с Ивановской дюны в Оренбургской области, содержащий бусы из раковин с охрой, кремневые вкладыши, наконечники стрел с ретушью на брюшке и др. (Моргунова, 1979, с. 15–20; Казаков, 2011, с. 159, рис. 105-А).

Другим подтверждением того, что пришельцы пришли в Прикамье с юго-востока, являются роговые вкладышевые орудия в виде копий и кинжалов. Изготовлены они из длинных, прямых и острых рогов, возможно, антилоп байза. Эти, довольно крупные животные обитают в северо-восточной Африке, но в эпоху мезолита, возможно, были и в Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Галимова М.Ш. Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья / Ред. П.Н. Старостин. Казань. Фест, 1996. С. 23–77.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI – VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер В.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 127 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Гурина Н.Н. Оленеостровской могильник / МИА. № 47. Л.: АН СССР, 1956. 431 с.
- Истомин К.Э., Казаков Е.П. Стоянка эпохи камня // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1992. С. 102–105.
- Казаков Е.П. Детское погребение эпохи камня на востоке Татарии // Каменный век лесостепной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М.Г. Жилин. М.: Academia, 2005. С. 274–279.
- Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье / Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 1. Казань: Фолиант, 2011. 180 с.
- Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011a. № 12–13. С. 8–39.
- Казаков Е.П. О культурном своеобразии памятников меллятамакского типа Приуралья // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: Яз, 2012. С. 34–42.
- Косменко М.Г. Итоги раскопок Татарско-Азиебейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья / отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 5–21.
- Косменко М.Г. Рец.: Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье (археологический очерк). Казань. Ин-т истории АН РТ, 2011 // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 10–29.
- Кузнецова Л.В. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1989. 40 с.
- Моргунова Н.Л. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1979. С. 15–20.
- Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности восточно-европейской лесостепи. / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 206–220.

Информация об авторе:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); epkaz@mail.ru

REFERENCES

Galimova, M. Sh. 1996. In Starostin, P. N. (ed.). *Novye materialy po mezolitu Volgo-Ural'ia (Recent Materials on the Mesolithic of the Volga-Urals)*. Kazan: "Fest" Publ., 23–77 (in Russian).

Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108. (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Researches on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).

Gening, V. F., Stoianov, V. E., Khlebnikova, T. A., Vainer, V. S. 1962. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Rozhdestveno (Archaeological Sites near Rozhdestveno Village)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga River (Bolshie-Tarkhany Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gurina, N. N. 1956. *Oleneostrovskii mogol'nik (Oleniy Ostrov Burial Ground)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 47. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Istomin, K. E., Kazakov, E. P. 1992. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Nizhny Novgorod, 102–105 (in Russian).

Kazakov, E. P. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 5–21 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2005. In Zhilin, M. G. (ed.). *Kamennyi vek lesostepnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ia (Stone Age of the ForestSteppe Zone of Eastern Europe and the Trans-Urals)*. Moscow: "Academia" Publ., 274–279 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Series: Arkheologiya Povolzh'ia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 1. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).

Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* (12–13), 8–39 (in Russian).

Kazakov, E. P. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studentcheskogo arkheologicheskogo kruzha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Circle in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 34–42 (in Russian).

Kosmenko, M. G. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 10 (4), 10–29 (in Russian).

Kuznetsova, L. V. 1989. *Paleolit Srednego i Nizhnego Povolzh'ia (Paleolithic of the Middle and Lower Volga Regions)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Sciences (in Russian).

Morgunova, N. L. 1979. In Basin, S. G. (ed.). *Drevniia istoriia Povolzh'ia (Ancient History of the Volga Region)*. Kuibyshev: Kuibyshev State Pedagogical Institute, 15–20 (in Russian).

Rud, N. M., Yablonsy, L. T. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 206–220 (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgeny P., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; epkaz@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2021 г.
Статья принята к публикации 01.02.2022 г.